

Афганистан с точки зрения истории и географии

Уильям Мейли

Профессор Мейли является директором Азиатско-Тихоокеанского дипломатического колледжа с 1 июля 2003 г., ему принадлежит целый ряд публикаций об Афганистане.

Краткое содержание

Трудности, с которыми сталкивается Афганистан в настоящее время, в большой степени обусловлены его бурной историей и географическим положением. Эти факторы обусловили появление ослабленного государства, в дела которого легко вмешиваются самые разные внешние силы и которое к настоящему времени переживает уже не первое десятилетие трагических событий. Мятежники действуют по всей стране благодаря поддержке Пакистана, на территории которого обосновался «Талибан». И до тех пор, пока на этом фронте не будут достигнуты успехи, ситуация в Афганистане останется тупиковой.

: : : : : :

Афганистан более чем многие другие государства стал жертвой своей истории и географического положения. За три десятилетия после коммунистического переворота в апреле 1978 г. и советского вторжения в декабре 1979 г. он подвергся воздействию политических и идеологических сил, контролировать которые большинство его собственного народа не могло. Вторжение Советского Союза превратило его в поле сражения «холодной войны», а конец этой войны и распад Советского Союза превратили Афганистан в арену нового соперничества, на этот раз между региональными акторами, которые были полны решимости не допустить того, чтобы их конкуренты завоевали плацдарм в тени Гиндукуша. В 1937 г. французский дипломат Рене Долло назвал Афганистан «Азиатской

Швейцарией»¹. Ни один разумный аналитик не назовет так эту страну сейчас, хотя сравнение это напоминает о том, что приблизительно за 50 лет до коммунистического переворота Афганистан был, пожалуй, самой мирной страной Азиатского континента. В настоящей статье я постараюсь описать процессы, в ходе которых Афганистан перестал быть Азиатской Швейцарией, и исследовать некоторые последствия этих процессов для перспектив страны в будущем. В статье шесть разделов. В первом рассматривается развитие афганского государства как территориальной единицы, так и системы административных структур. Во втором разделе исследуются факторы, которые привели к политическому кризису 1978 — 1979 гг. Третий описывает ход и воздействие советского военного присутствия в Афганистане с 1979 по 1989 г., а в четвертом прослеживаются события с конца присутствия СССР в 1989 г. и до свержения режима «Талибана» в ноябре 2001 г. Пятый раздел посвящен политике Афганистана и ситуации в регионе в последующий период. В шестом предлагаются некоторые краткие выводы.

Развитие афганского государства

Изучать такое явление, как «образование государства», нелегко, поскольку само английское слово «государство» неоднозначно. С одной стороны, оно означает территориально ограниченную структуру, что эквивалентно значению слова «страна», с другой стороны, оно означает набор политических и административных единиц, которые контролируют или стремятся контролировать общественное пространство в рамках территориальной структуры, выполняя задачи по добыче ресурсов и мобилизации, управлению обществом и регулированию поведения². Эти два значения нельзя полностью разделить; например, в Конвенции Монтевидео 1933 г. о правах и обязанностях государства наличие «правительства» определяется как одно из условий, которым государство в первом значении термина должно удовлетворять. Тем не менее для анализа полезно было бы провести различие между этими двумя значениями, поскольку процессы, в ходе которых государства в этих двух значениях формируются, и сами являются в значительной степени разными.

Территориальные государства могут быть определены позитивно — распространенностью власти изнутри и негативно — границами распространения власти внешних сил или сочетанием того и другого. (Они также могут определяться расширением колониального господ-

1 René Dollot, *L'Afghanistan: histoire, description, mœurs et coutumes, folklore, fouilles*, Payot, Paris, 1937, p. 15.

2 Joel S. Migdal, *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*, Princeton University Press, Princeton, 1988, p. 4.

ства, а затем его сокращением, но этот процесс менее полезен нам для объяснения появления Афганистана.) Афганистан появился как классическое буферное государство, которое не только оказалось между Британской и Российской империями, но частично было сформировано благодаря соперничеству этих держав в XIX веке. Британцы укрепились в Индии, Россия осуществляла экспансию в Средней Азии путем создания целого ряда протекторатов, и это превратило Россию и Британию в потенциальных соперников в том, что стало называться «Большой игрой» (Турнирами теней)³. Однако в интересы обеих сторон не входило превращение их соперничества в настоящую войну, и поэтому существование буферного государства между двумя великими державами устраивало всех. В результате к концу XIX века границы того, что мы сейчас называем Афганистаном, были в основном установлены, хотя и не всегда так, как это удовлетворяло всех.

Политический и административный контроль

В политическом и административном смысле афганское государство обладало целым рядом отличительных черт. Прежде всего это было династическое государство. Изначально оно сформировалось как конфедерация племен в эпоху Ахмад-шаха Дуррани (1747—1772), и монархическая система существовала в течение двух веков. Однако почти в течение всего XIX века афганское государство имело преמודернистскую (досовременную) форму⁴, где налоги (или дань) собирались натурой, а не деньгами, а правители зависели от внешних покровителей, самым пресловутым из которых был Шах Шуджа (1803—1809, 1839—1843), чье имя стало синонимом малодушного подчинения влиянию покровителя. Конец XIX века стал свидетелем значительной консолидации государственной власти в годы правления эмира Абдул Рахман-хана (1880—1901), особенно в том, что касалось модернизации сбора налогов⁵ и готовности применить силу для того, чтобы установить контроль над другими центрами власти, но позже у правителей не было ни решимости, ни возможностей, которыми располагал «Железный эмир». Его преемник, Хабибулла, был осторожным и спокойным правителем, но это не предотвратило его убийства в 1919 г. Сын Хабибуллы, Аманулла, который был гораздо более решительным реформатором, хотел быстро модер-

3 Об этом процессе см.: Seymour Becker, *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1968. Дополнительную информацию об англо-русском соперничестве см.: Karl E. Meyer and Shareen Blair Brysac, *Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia*, Basic Books, New York, 1999.

4 См.: Christine Noelle, *State and Tribe in Nineteenth-century Afghanistan: The Reign of Amir Dost Muhammad Khan (1826—1863)*, Curzon Press, Richmond, 1998.

5 См.: Hasan Kawun Kakar, *Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan*, University of Texas Press, Austin, 1979, pp. 73—91.

низировать страну, но столкнулся со все возрастающим сопротивлением и был в конце концов свергнут в 1929 г.⁶ После недолгого периода непуштунского правления трон вновь перешел к пуштунскому аристократу Надир-шаху, чье краткое правление закончилось его убийством в ноябре 1933 г. Трон унаследовал его 19-летний сын Закир-шах, он правил почти 40 лет до своего свержения в результате дворцового переворота, который возглавил его двоюродный брат Мухаммед Дауд в 1973 г. И только в результате коммунистического переворота в апреле 1978 г., когда Дауд был убит, пришел конец династическому правлению (но даже после этого Закир-шах вернется в Афганистан после 2001 г. как «Отец нации» и останется там до своей смерти в 2007 г., будучи невлиятельной, но популярной личностью в Кабуле).

Зависимость от нестабильных доходов

С течением времени афганское государство превратилось в государство «рантье», бюджет которого полностью зависел от таких нестабильных источников дохода, как иностранная помощь и поступления от продажи ограниченных природных ресурсов. Когда Закир-шах стал королем, основная часть государственных доходов формировалась из налогов на земельную собственность, и большинство государственных расходов финансировалось за счет внутренних источников. К началу так называемой «новой демократии» в 1964 г. 49% государственных расходов покрывалось за счет иностранной помощи⁷. Опасность, которая возникает из-за зависимости от таких поступлений, — прямой результат их нестабильности. Если приоритеты доноров изменяются, доходы государства могут уменьшиться; аналогичным образом, если мировые цены на основные экспортные товары падают, поступления от их продажи также могут сокращаться. Когда это происходит, маловероятно, что государство сумеет оправдать ожидания, возникновению которых у своего народа оно могло способствовать в хорошие времена, и в результате может пострадать его репутация или разразиться полномасштабный кризис легитимности. Если случается последнее, государству, для того чтобы выжить, могут потребоваться значительные усилия для преодоления трудностей с применением принудительных мер и других нелегитимных методов подавления.

6 Leon B. Poullada, *Reform and Rebellion in Afghanistan: King Amanullah's Failure to Modernize a Tribal Society*, Cornell University Press, Ithaca, 1973, pp. 160–213.

7 Barnett R. Rubin, *The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System*, Yale University Press, New Haven, 2002, p. 296.

Слабое присутствие за пределами столицы

Афганское государство было по существу слабым государством. С одной стороны, его присутствие повсеместно ощущалось во многих частях страны; с другой стороны, это было пассивное и дистанцированное присутствие. Иногда центральное государство могло сконцентрировать усилия, если это было необходимо для достижения его целей: например при подавлении восстания пуштунов сафи в 1947 г. или для того, чтобы сломить сопротивление против отмены ношения паранджи с 1959 г., в то время, когда премьер-министром был Мухаммед Дауд. Но это было скорее исключением, а не правилом. Чаще всего между государством и его подданными существовала значительная дистанция.

Государственным служащим не нравилось, когда их отправляли в провинции, а многие сельские жители считали, что городские бюрократы ничего не знают об укладе их жизни и об узаконенных традиционных структурах, которые регулировали общественные отношения⁸. Государство в том виде, в котором оно существовало, не было инструментом для проникновения в эти сложные отношения в сельских районах или для установления контроля над ними. Это стало, к сожалению, совершенно очевидным во время кризиса 1978 — 1979 гг.

Сложное геополитическое положение

Состояние афганского государства было до некоторой степени обусловлено сложным геополитическим положением Афганистана. Линия Дюрана 1893 г. поделила этнических пуштунов Юго-Западной Азии между Афганистаном и британской Индией. Когда в 1947 г. произошло разделение субконтинента, никто не услышал требования Афганистана о «самоопределении» пуштунов Индии. В результате Афганистан оказался единственным государством, проголосовавшим против принятия Пакистана в Организацию Объединенных Наций, что стало причиной напряженных отношений между этими государствами в течение последующих трех десятилетий⁹. Для пакистанских военных худшим кошмаром было увидеть свою страну между враждебной Индией и враждебным Афганистаном, и они готовы были ухватиться за любую возможность, чтобы изменить эту ситуацию. Как им показалось, свержение пропуштунского президента Дауда и, более того, даже вторжение Советского Союза в Афганистан, давали такую возможность.

8 Более подробно об этом см.: Thomas J. Barfield, 'Weak links on a rusty chain: structural weaknesses in Afghanistan's provincial government administration', in M. Nazif Shahrani and Robert L. Canfield (eds), *Revolutions and Rebellions in Afghanistan: Anthropological Perspectives*, Institute of International Studies, University of California, Berkeley, 1984, pp. 170—184.

9 Ситуация стала известной как «спор из-за Пуштунистана». См.: Rajat Ganguly, *Kin State Intervention in Ethnic Conflicts: Lessons from South Asia*, SAGE Publications, New Delhi, 1998, pp. 162—192.

Кризис 1978—1979 гг.

Коммунистический переворот в апреле 1978 г. толкнул Афганистан в социально-политическую пропасть, из которой ему еще предстоит выбираться. Причины были разнообразны, но с самого начала важно отметить, что это произошло не в результате какого-либо требования революционных изменений со стороны большинства афганского населения. Это, скорее, отражало серьезные разногласия внутри кабульской политической элиты. Разделение было вызвано появлением радикальных политических групп в период «Новой демократии» с 1964 по 1973 г. Две марксистские группировки, Хальк («Народ») и Парчам («Знамя»), выкристаллизовались в этот период и, несмотря на серьезное соперничество, объединились, сформировав Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА)¹⁰. Эти группы вдохновлялись советской моделью, и хотя нет достоверных доказательств того, что апрельский переворот был организован СССР, его, как представляется, предупредили о перевороте заблаговременно¹¹, что неудивительно, поскольку многие афганские военные прошли подготовку в Советском Союзе. Режим Дауда не оправдал тех больших надежд, которые были вызваны к жизни его собственной риторикой о «революции», и достаточно было всего одной спички, чтобы произошел взрыв.

Саурская революция

17 апреля 1978 г. был убит выдающийся деятель фракции Парчам Мир Акбар Хайбер. Личности убийц остались не установленными, хотя многие возлагали вину на беспощадного Хафизуллу Амина, возглавлявшего фракцию Хальк¹². На похороны Хайбера пришли тысячи людей, режим Дауда запаниковал, и целый ряд коммунистических активистов был арестован. Это и спровоцировало переворот 27 апреля, который по существу совершили военные. Основными фигурами были Абдул Кадир и Мухаммад Рафи из фракции Парчам и Аслам Ватанджар и Саид Мухаммад Гулабзой из фракции Хальк. Однако после захвата дворца и убийства Дауда и его семьи ранним утром 28 апреля они уступили дорогу группе политиков — марксистов из числа гражданских лиц: Нур Мохаммаду Тараки и Хафизулле Амину из фракции Хальк и Бабраку Кармалю из фракции Парчам. Тараки считался лидером так называемой Саурской революции (инкилаб-е саур), которая получила свое название от названия того месяца в афганском

10 См. Anthony Arnold, *Afghanistan's Two-party Communism: Parcham and Khalq*, Hoover Institution Press, Stanford, 1983, pp. 52—56; Henry S. Bradsher, *Afghan Communism and Soviet Intervention*, Oxford University Press, Karachi, 1999, pp. 20—23.

11 Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin, *The World Was Going Our Way: The KGB and the Battle for the Third World*, Basic Books, New York, 2005, p. 386.

12 См., например: Gilles Dorronsoro, *Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present*, Columbia University Press, New York, 2005, p. 85.

календаре, когда произошел переворот. С одной стороны, использование термина «революция» было неправильным: большинство афганцев, проснувшись, с удивлением услышали о том, что коммунисты взяли власть, и это никоим образом не было результатом движения масс. Однако, с другой стороны, название было заслуженным, поскольку новые марксистские правители быстро постарались произвести революцию сверху, что послужило началом серьезного конфликта между государством и его подданными.

По целому ряду причин период с апреля 1978 г. по декабрь 1979 г. характеризовался почти непрерывными волнениями. В первую очередь это было обусловлено тем, что политика новых правителей оказалась глубоко оскорбительной для убеждений и ценностей большого числа афганцев. Открыто признаваемый атеизм правителей сразу же отделил их от народа, а проводимая ими политика в таких областях, как земельная реформа, была и непродуманной, и провокационной. Столкнувшись с сопротивлением, они сразу же прибегли к жестким мерам принуждения для укрепления своего положения. В тюрьме Пул-е-Чарки, недалеко от Кабула, было казнено много заключенных. Саид Абдулла, комендант тюрьмы, заявил, что «в живых должен остаться всего миллион афганцев. Нам нужен миллион сторонников партии Хальк. Другие нам не нужны, мы от них избавимся»¹³. Однако силовые методы возымели эффект обратный тому, что ожидал от них режим, и в лагерь оппозиции вливалось все больше людей, которые брались за оружие в борьбе против режима. Хаос, вызванный политическими ошибками, усугублялся резкими разногласиями между Парчам и Хальк. Первыми жертвами оказались Кармаль и целый ряд его сподвижников, которых выслали за границу в качестве послов в течение трех месяцев со дня переворота. Позже в том же году партия Парчам подверглась еще одной чистке¹⁴, хотя кое-кому удалось выжить благодаря защите со стороны Советского Союза. Но это был не единственный раскол. В сентябре 1979 г. Амин сумел вытеснить другого члена Хальк, Тараки, который впоследствии был убит, затем начался период жесточайших репрессий. Последствия оказались также далеко идущими. Тараки, незадолго до того как его сняли с должности, был принят советским лидером Леонидом Брежневым, и советские руководители пришли в ярость от того, как стали развиваться события. Для Амина начался обратный отсчет времени.

13 Michael Barry, 'Répressions et guerre soviétiques', in *Les Temps Modernes*, Nos. 408–409, 1980, p. 183.

14 См.: Odd Arne Westad, 'Prelude to invasion: the Soviet Union and the Afghan communists, 1978–1979', in *International History Review*, Vol. 16, 1994, pp. 61–62.

Советское вторжение

Советское руководство уже давно было обеспокоено развитием событий в Афганистане, но сначала оно намеревалось остаться в стороне. 15 марта 1979 г. 17-я дивизия Армии Афганистана подняла мятеж в Герате, что явилось серьезным вызовом для режима. Тараки обратился за помощью к СССР, но председатель Совета министров, Алексей Косыгин, ответил очень сдержанно, слова его стоит процитировать:

«Размещение наших сил на территории Афганистана сразу же возмутит международное сообщество и повлечет за собой неблагоприятные последствия самого разнообразного характера... Я еще раз хотел бы подчеркнуть, что вопрос о размещении наших сил был рассмотрен нами со всех сторон; мы тщательно проанализировали все аспекты этого и пришли к выводу, что в случае введения наших войск ситуация в вашей стране не только не улучшится, но станет еще хуже. Нельзя отрицать, что нашим войскам придется сражаться не только с иностранными агрессорами, но и с некоторой частью вашего народа. А народ не прощает таких вещей»¹⁵.

К сожалению, к концу 1979 г. стареющий, часто болевший Косыгин уже почти не участвовал в процессе формирования политики, и убийство Тараки заставило советское руководство повернуться в другом направлении. 12 декабря 1979 г. на заседании Политбюро под председательством министра иностранных дел Андрея Громыко была одобрена рекомендация четырех советских руководителей и членов Политбюро — Генерального секретаря Коммунистической партии Брежнева, председателя Комитета государственной безопасности Юрия Андропова, министра обороны Дмитрия Устинова и самого Громыко — о введении войск в Афганистан. 27 декабря Амин был убит советскими спецназовцами во дворце Тадж-Бек на юге Кабула, а в 20.45 советская радиостанция заглушила сигнал кабульского радио и передала запись слов Бабрака Кармаля, объявившего о свержении Амина. Афганистану предстояло войти не только в новое десятилетие, но и в новую эру.

Советское вторжение сразу же превратило Афганистан из отдаленной провинции в основную арену борьбы в ходе «холодной войны». Центральное разведывательное управление США не предвидело этого вторжения, и администрация Картера была глубоко оскорблена случившимся¹⁶. Мотивация СССР была непостижима, и президент Картер понял этот поступок как намерение Советского Союза остановить поток нефти из Персидского залива, что представляло собой «самую серьезную угрозу

15 James G. Hershberg (ed.), 'New evidence on the Soviet intervention in Afghanistan', in *Cold War International History Bulletin*, Nos. 8—9, 1996—1997, p. 147.

16 Tim Weiner, *Legacy of Ashes: The History of the CIA*, Penguin, New York, 2007, pp. 365—367.

всеобщему миру после Второй мировой войны»¹⁷. Реакция администрации Картера, а затем и Рейгана, заключалась в вооружении группировок, противостоящих Советскому Союзу, с тем чтобы показать, что такое вторжение неприемлемо для международного сообщества. Этот подход оказался успешным, поскольку СССР в конце концов вывел свои войска в 1989 г.; но последствия оказались непредусмотренные и неожиданные.

Советско-афганская война

В результате советского вторжения в Афганистан сложилась глубоко парадоксальная ситуация. Присутствия советских сил было очевидно достаточным для того, чтобы афганское государство продолжало существовать, но сама зависимость существования государства от помощи СССР ограничивала его возможности добиться общей поддержки населения. Таким образом, советская помощь предлагала не стратегию для долгосрочного устойчивого правления, но, скорее, систему поддержания жизни, и когда она была отключена в конце 1991 г., коммунистический режим в Кабуле сразу же рухнул. В действительности афганское государство как автономная структура для добычи ресурсов и мобилизации развалилось после введения советских войск; масштаб проблемы долго не был заметен благодаря субвенциям СССР, но когда они прекратились, пал и режим. Однако возможным это стало благодаря мощному сопротивлению коммунистическому правлению в Афганистане. Вероятно, советские руководители надеялись завоевать честь и славу, убрав ненавистного Амина, но их новый ставленник, Бабрак Кармаль, презирался большинством, и те, кто хорошо знал историю Афганистана, называли его вторым Шахом Шуджей. Обстановка была не очень благоприятной для Кармалы, и он оказался невпечатляющим союзником.

Моджахеды

Сопротивлялись советскому присутствию самые различные круги, но вооруженное сопротивление осуществлялось людьми, которые стали называться моджахедами, что означало «борцы за веру». Движение афганских моджахедов состояло из разных компонентов, включая политические партии, базирующиеся в основном в Пакистане, полевых командиров, обладающих влиянием различной степени в самом Афганистане, и общины, на поддержку которых они полагались¹⁸. Их разнообразие представляло собой

17 Gabriella Grasselli, *British and American Responses to the Soviet Invasion of Afghanistan*, Dartmouth Publishing Co., Aldershot, 1996, p. 121.

18 Больше информации о моджахедах можно найти в работах: Olivier Roy, *Islam and Resistance in Afghanistan*, Cambridge University Press, Cambridge, 1990, pp. 98–148; Abdulkader Sinno, *Organizations at War in Afghanistan and Beyond*, Cornell University Press, Ithaca, 2008, pp. 119–172.

силу в 1980-е гг. (их было трудно ассимилировать или обезглавить), но стало слабостью после 1991 г. (когда им не хватало согласованности для того, чтобы эффективно осуществлять государственную власть). Моджахеды отражали сложный характер афганского общества (которое очень дифференцировано по этническим, фракционным, географическим, экономическим и гендерным признакам) и демонстрировали целый ряд острых идеологических различий. Они включали в себя такие разные партии, как почти ленинская Хезб-е-Ислами (Исламская партия Афганистана), возглавляемая Гульбеддином Хекматияром, и умеренная Исламист Джамиат-е-Ислами (Исламское общество Афганистана) Бурхануддина Раббани, а также более мелкие партии под руководством таких деятелей, как Пир Саид Ахмад Гайлани и Сибхатулла Моджадидди, которые находились под влиянием суфизма и были сторонниками возвращения Закир-шаха, и Абдул Раб эль-Расул Сайяф, на которого более сильное влияние оказывали ваххабитские тенденции, зародившиеся на Аравийском полуострове. Через подобные партии стала поступать международная помощь, но на местах они были менее значимы, чем такие полевые командиры, как Хаджи Абдул Латиф в Кандагаре, Исмаил-хан в Герате и Ахмад-шах Масуд в Панджшерской долине к северу от Кабула¹⁹. Моджахеды были не в состоянии удерживать и оккупировать основные города, но в сельской местности они совершали очень эффективные нападения на силы СССР и режима по всей стране, что лишало последние даже видимости «победы».

Глобальная и региональная поддержка

На протяжении почти всех 1980-х гг. сопротивление моджахедов очень энергично поддерживали Соединенные Штаты Америки, возглавляемые президентом Рейганом, и Пакистан под руководством генерала Зия-уль-Хака. Однако каждое из этих государств имело собственные четко определенные интересы. Соединенные Штаты твердо намеревались нанести удар по основам советской власти, они рассматривали моджахедов как инструмент, который можно будет использовать для этой цели. У Пакистана же был сложный набор региональных интересов. Тлеющий пограничный конфликт с Афганистаном продолжался в течение десятилетий после 1947 г., и Пакистан, не желая, чтобы укрепилось положение секуляризованных, националистически настроенных афганцев, предпочел поддержать радикальных исламистов, таких как партия Хезб-е-Ислами Хекматияра²⁰, которая уже давно была верным клиентом пакистанских служб разведки. Соединенные Штаты, основной

19 Дополнительную информацию об этих партиях и командах см.: William Maley, *The Afghanistan Wars*, Palgrave Macmillan, New York, 2009, pp. 52–55.

20 См.: Mariam Abou Zahab and Olivier Roy, *Islamist Networks: The Afghan—Pakistan Connection*, Hurst & Co., London, 2004, pp. 53—57; Rizwan Hussain, *Pakistan and the Emergence of Islamic Militancy in Afghanistan*, Ashgate, Aldershot, 2005, pp. 93—133.

источник финансирования для закупки оружия, которым пользовались моджахеды, готовы были с этим мириться, хотя не являлись секретом и явные антизападные настроения Хезб-е-Ислами. Это очень раздражало таких полевых командиров, как Масуд, которые задавались вопросом о том, как же Хезб на самом деле воевала, и чувствовали, что создается монстр Франкенштейна, с которым в один прекрасный день придется как-то справляться. В этом отношении полевые командиры окажутся гораздо проницательнее, нежели политики в Вашингтоне или сотрудники ЦРУ в Исламабаде.

Вывод советских войск

В конце концов Советский Союз вывел свои войска из Афганистана. Новому руководству, возглавляемому Михаилом Горбачевым, который стал Генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза в марте 1985 г., мало что нравилось из того, что связывало его страну с Афганистаном. На XXVII партийном съезде в феврале 1986 г. Горбачев назвал Афганистан кровоточащей раной²¹, и 5 мая Бабрака Кармая на посту Генерального секретаря Центрального комитета НДПА сменил д-р Наджибулла, который с 1980 по 1985 г. стоял во главе тайной полиции режима. 13 ноября 1986 г. Политбюро КПСС приняло решение вывести советские войска в течение двух лет. Наджибулле посоветовали принять меры по расширению основ режима путем «национального примирения», но раны, нанесенные войной, были слишком глубоки и, как сказал один аналитик, работа в тайной полиции «сама по себе дисквалифицировала его как архитектора национального примирения»²². С поставками из Советского Союза Наджибулле удалось пережить вывод советских войск в 1989 г., но, как впоследствии стало очевидно, его существование зависело от ресурсов, поставляемых СССР, используя которые, он покупал лояльность основных действующих лиц в различных частях страны. И как только источник таких ресурсов иссяк, почти сразу же его режим начал разваливаться, поскольку основные акторы изменили свою позицию; в апреле 1992 г. режим полностью рухнул²³.

Последствия войны были для Афганистана поистине ужасными. В период между 1978 и 1987 г. ежедневно в течение десяти лет погибали около 240 афганцев, число жертв среди гражданского населения в 50 раз превышало число жертв в 2010 г.²⁴ Этот высокий уровень смертности спрово-

21 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Москва, Издательство политической литературы, 1986. С. 69.

22 Ким Цаголов и Селиг С. Хэррисон. Афганская война: взгляд из сегодняшнего дня // журнал Восток. 1991. № 3. С. 53.

23 См.: Phillip Corwin, *Doomed in Afghanistan: A UN Officer's Memoir of the Fall of Kabul and Najibullah's Failed Escape*, 1992, Rutgers University Press, New Brunswick, NJ, 2003.

24 Noor Ahmad Khalidi, 'Afghanistan: demographic consequences of war, 1978—1987', in *Central Asian Survey*, Vol. 10, 1991, pp. 101—126.

ждался страшными и широкомасштабными военными преступлениями и нарушениями прав человека²⁵. Кроме того, наблюдалось серьезное и длительное перемещение населения и насильственная миграция, что вызвало стойкую социальную разруху²⁶. Из предвоенного оседлого населения, численность которого оценивалась в 13,05 млн человек, к началу 1990 г. около 6,2 млн человек жили за границей как беженцы, в основном в Пакистане и Иране. Лагеря беженцев в Пакистане выполняли двойную роль: они предоставляли защиту уязвимым беженцам, но в них также получали подготовку комбатанты²⁷, и в конце концов эти лагеря стали инкубатором для движения «Талибан», ядовитой и все же трагической силы, которая отражала не столько «традиции» афганского общества, сколько результаты разрушения жизненных устоев простых афганцев, происходившего десятилетиями. Афганистан получил очень глубокие раны в результате событий 1980-х гг., и ему предстоит пройти длинный путь, прежде чем появится хоть какая-то надежда на полное выздоровление.

Постсоветский хаос: моджахеды и «Талибан»

Крушение режима Наджибуллы привело к тому, что Кабул был захвачен подразделениями афганских моджахедов. Однако они столкнулись с двумя проблемами. Первая заключалась в том, что они унаследовали символы государства (а именно столицу), но государственные механизмы не функционировали: бюрократы разбежались, армия раскололась по этническим и религиозным принципам, и не было никаких учреждений, которые могли бы управлять добычей и перераспределением ресурсов. Мало какие движения сопротивления получали такое негодное наследство.

Соперничество в рядах моджахедов

Столь же серьезным было усиление соперничества между самими моджахедами. Хотя большинство лидеров моджахедов, принадлежащих к мусульманам-суннитам, подписали 24 апреля 1992 г. соглашение о формировании Руководящего совета (Шура-и-Кияди) под председательством

25 См.: Jeri Laber and Barnett R. Rubin, *'A Nation is Dying': Afghanistan under the Soviets 1979—87*, Northwestern University Press, Evanston, 1988; The Afghanistan Justice Project, *Casting Shadows: War Crimes and Crimes against Humanity 1978—2001*, Afghanistan Justice Project, Kabul, 2005; William Maley, 'Human rights in Afghanistan', in Shahram Akbarzadeh and Benjamin MacQueen (eds), *Islam and Human Rights in Practice: Perspectives Across the Ummah*, Routledge, New York, 2008, pp. 89—107.

26 См.: Susanne Schmeidl and William Maley, 'The case of the Afghan refugee population: finding durable solutions in contested transitions', in Howard Adelman (ed.), *Protracted Displacement in Asia: No Place to Call Home*, Ashgate, Aldershot, 2008, pp. 131—179.

27 Fiona Terry, *Condemned to Repeat? The Paradox of Humanitarian Action*, Cornell University Press, Ithaca, 2002, pp. 55—82; Sarah Kenyon Lischer, *Dangerous Sanctuaries? Refugee Camps, Civil War, and the Dilemmas of Humanitarian Aid*, Cornell University Press, Ithaca, 2005, pp. 44—72.

профессора Моджадидди, Гульбедин Хекматияр отказался участвовать в нем; его представитель ранее заявил, что «Хекматияр не может согласиться на участие в том, куда входит Ахмад-шах Масуд»²⁸. Несмотря на несколько последующих попыток урегулировать эти разногласия, они остались источником серьезной напряженности²⁹, и когда в конце концов Хекматияр вернулся в Кабул в качестве «премьер-министра» в июне 1996 г., его присутствие лишь испортило репутацию правительства, которое к тому времени возглавлял Бурхануддин Раббани.

Одна из главных причин этого заключалась в том, что соперничество среди моджахедов привело к жестокому вооруженному конфликту, в результате которого сильно пострадала и сама столица. И хотя в Афганистане в целом уровень смертности сильно снизился в это время, в Кабуле все было наоборот. Разные районы города попали под контроль различных сил. На западе это была шиитская Партия единства — Хезб-е-Вахдат; силы, верные Масуду, — на севере; ополчение, связанное с бывшим коммунистическим командиром Абдул Рашидом Дустумом — в районе Бала-Хиссар; а сторонники Абдул Раб эль-Расул Сайяфа — в Пагмане. Бои между партией Хезб-е-Вахдат и силами Сайяфа впервые начались в июне 1992 г.³⁰ Кроме того, ракетные удары были нанесены по городу силами Хезб-е-Ислами, расположенными к югу, у которых было оружие, собранное в 1980-е гг. Они пытались не допустить того, чтобы кто-то правил страной, если сам Хекматияр не мог этого сделать. Раббани отозвался о Хекматияре как об «опасном террористе, которого следует изгнать из Афганистана»³¹. Для жителей последствия этого периода были чудовищными, совершались широкомасштабные военные преступления различными силами, которые участвовали в конфликте³². Только в марте 1995 г. Масуду удалось удерживать город и его пригороды. Однако наступившее затишье оказалось кратковременным.

Появление «Талибана»

Именно в таких обстоятельствах в 1994 г. на сцену выходит движение «Талибан», захватив сначала Кандагар, затем Герат в 1995 г. и, наконец, Кабул в сентябре 1996 г.³³ «Талибан» — это просто множественное число

28 In *International Herald Tribune*, 22 April 1992, p. 2.

29 См.: William Maley, 'The future of Islamic Afghanistan', in *Security Dialogue*, Vol. 24, December 1993, pp. 388–390.

30 Kristian Berg Harpviken, *Political Mobilization among the Hazara of Afghanistan: 1978–1992*, Report No. 9, Department of Sociology, University of Oslo, Oslo, p. 113.

31 BBC, *Summary of World Broadcasts*, FE/1461/B/1, 17 August 1992.

32 См.: Human Rights Watch, *Blood-stained Hands: Past Atrocities in Kabul and Afghanistan's Legacy of Impunity*, Human Rights Watch, New York, 2005.

33 Более подробно о восхождении «Талибана» см.: Anthony Davis, 'How the Taliban became a military force', in William Maley (ed.), *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban*, Hurst & Co., London, 1998, pp. 43–71; Neamatollah Nojumi, *The Rise of the Taliban: Mass Mobilization, Civil War, and the*

арабского слова «студент», произнесенного на персидский манер, и различные «фронты талибов» существовали в Афганистане с начала 1980-х гг. Однако это движение было другим. Это были, скорее, обычные войска. Их появление в сущности отражало желание Пакистана видеть какую-то силу, которая могла бы оккупировать и удерживать значительные части территории, которые не сумела удержать Хезб-е-Ислами Хекматияра. Министр внутренних дел Пакистана, генерал-майор в отставке Насрулла Бабар, называл талибов «наши ребята», что приводило в ярость министра иностранных дел Пакистана³⁴. Пакистан сыграл главную роль в оказании поддержки движению «Талибан» — как указывает «Хьюман Райтс Вотч»:

«Из всех иностранных держав, предпринимающих попытки, направленные на продолжение боев и манипулирование ими, Пакистан можно выделить особо в силу как масштаба его задач, так и значимости усилий, имея в виду организацию сбора средств для «Талибана», финансирование его операций, предоставление дипломатической поддержки в качестве настоящего эмиссара «Талибана» за границей, организацию подготовки боевиков «Талибана», вербовку опытных и необученных бойцов для службы в армии «Талибана», планирование наступательных операций и руководство ими с обеспечением поставок военного снаряжения и топлива, а в нескольких случаях, видимо, непосредственное предоставление оперативного обеспечения³⁵.

Следствие беспощадности «Талибана»

К огорчению для Пакистана действия «Талибана» быстро заставили всех отвернуться от него. Министр иностранных дел Пакистана Абдул Саттар отметил: «Исламабад не предвидел, что на мировой арене «Талибан» будет считаться созданием Пакистана... Пакистан, как единственный друг «Талибана», считался виновником проводимой этим движением политики»³⁶. Его политика в отношении женщин была осуждена мировым сообществом³⁷, а его обращение с меньшинствами было часто чудовищ-

Future of the Region, Palgrave, New York, 2002, pp. 117—124; Michael Griffin, *Reaping the Whirlwind: Afghanistan, Al Qaeda and the Holy War*, Pluto Press, London, 2004, pp. 30—47; Steve Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001*, Penguin, London, 2005, pp. 280—300; Roy Gutman, *How We Missed the Story: Osama Bin Laden, the Taliban, and the Hijacking of Afghanistan*, United States Institute of Peace Press, Washington, DC, 2008, pp. 61—79; Robert D. Crews and Amin Tarzi (eds), *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 2008; Ahmed Rashid, *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*, Yale University Press, New Haven, 2010, pp. 17—30.

34 См.: S. Iftikhar Murshed, *Afghanistan: The Taliban Years*, Bennett & Bloom, London, 2006, p. 45.

35 Human Rights Watch, *Afghanistan — Crisis of Impunity: The Role of Pakistan, Russia and Iran in Fuelling the Civil War*, Human Rights Watch, New York, 2001, p. 23.

36 Abdul Sattar, *Pakistan's Foreign Policy 1947—2005*, Oxford University Press, Karachi, 2007, p. 227.

37 См. известную публикацию: Physicians for Human Rights, *The Taliban's War on Women: A Health and Human Rights Crisis in Afghanistan*, Physicians for Human Rights, Boston, 1998.

ным, в августе 1998 г. в Мазари-Шарифе более 2 тыс. этнических хазарейцев были убиты в течение всего трех дней самым ужасным образом, как это описано сотрудником Управления верховного комиссара по делам беженцев ООН:

«Некоторых застрелили на улицах. Многие были казнены в своих домах, после того, как районы города, заселенные жителями из этой этнической группы, были систематически блокированы и подвергались обыскам. Некоторые умирали от жары или удушья, когда их оставляли в запечатанных металлических ящиках под августовским солнцем. По крайней мере в одной больнице 30 беспомощных пациентов были убиты в постели. Тела многих жертв были оставлены на улицах или в домах, как четкое предупреждение оставшимся жителям города. Охваченные ужасом свидетели видели собак, рвущих трупы, но через громкоговорители или по радио жителям было приказано не убирать и не хоронить их»³⁸.

Кроме таких зверств были и акты вандализма, например, уничтожение знаменитых Бамианских Будд в марте 2001 г. Поскольку под руководством Ахмад-шах Масуда сопротивление «Талибану» продолжалось, движение не смогло сохранить за собой место Афганистана в ООН, и дипломатическое признание режим получил только со стороны Пакистана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов.

Конец режиму «Талибана» пришел достаточно быстро. Хотя террористической организации Усамы бен Ладена «Аль-Каида» удалось совершить убийство Масуда 9 сентября 2001 г., ее нападения на США двумя днями позже привели к непосредственному вторжению США в октябре 2001 г. (операция «Несокрушимая свобода»), которому «Талибан» был абсолютно не в состоянии противостоять. К середине ноября Кабул пал под натиском антиталибских сил, и к середине декабря большинство лидеров «Талибана» бежали в Пакистан. Легко забылось, как быстро режим «Талибана» рухнул, когда появилась более мощная сила; урок заключается в том, что в таких конфликтах, как в Афганистане, жизненно важно действовать быстро и сохранять темп.

Афганистан после 2001 г.

Период после свержения режима талибов в ноябре—декабре 2001 г. принес как достижения, так и разочарования. Результаты исследований показывают, что 54% афганских респондентов чувствуют, «что их семьи сегодня живут лучше, чем во время режима «Талибана», а 78% согласны с

38 Rupert C. Colville, 'One massacre that didn't grab the world's attention', in *International Herald Tribune*, 7 August 1999.

тем, что «у демократии, может, и есть проблемы, но она лучше, чем любая другая форма правления»³⁹. Однако страна очень неоднородна: местные политические условия разнообразны, словно узоры калейдоскопа. Более того, любая случайная дискуссия в Афганистане сразу же превращается в поток жалоб, и многие из них обусловлены конкретными ошибками, допущенными в переходный период после 2001 г. Можно выделить пять конкретных проблем.

Слабое правительство

Во-первых, Афганистан наделил собственными слабостями свои новые политические учреждения. Боннское соглашение декабря 2001 г. предусматривало до 29 правительственных учреждений, хотя достаточно было бы иметь от шести до восьми, и это создало условия для соперничества между учреждениями, контролируемые различными политическими фракциями. Более того, Конституция Афганистана 2004 г., установив сильную президентскую систему, создавала перегруженное ведомство в центре исполнительной власти и обеспечивала такое положение, при котором основные вопросы не рассматриваются до тех пор, пока президент не обратит на них внимание. Кроме того, решение США не распространять присутствие Международных сил содействия безопасности (ISAF) за пределы Кабула в 2002 г. более или менее заставило нового афганского лидера Хамида Карзая предложить властные полномочия в провинциях и районах вооруженным акторам, которые иначе могли бы помешать ему укрепить свое положение. Это привело к маргинализации законных местных руководителей, особенно в племенных структурах Пуштунов, в конечном итоге испортило репутацию нового государства, а также вызвало серьезные проблемы, связанные с семейственностью и плохим управлением⁴⁰.

Коррупция

Во-вторых, плохое управление и коррупция были эндемическими проблемами, усугубляемыми возрождением производства опиума и неудачами в восстановлении судебной системы, способной обеспечить соблюдение законности. С законностью дело обстоит крайне плохо, в результате чего для большинства афганцев внушительные гарантии прав, изложенные в конституции и различных законах, существуют только на бумаге⁴¹. Среди

39 Ruth Rennie, Sudhindra Sharma, and Pawan Sen, *Afghanistan in 2009: A Survey of the Afghan People*, The Asia Foundation, Kabul, 2009, pp. 43, 100.

40 William Maley, *Rescuing Afghanistan*, Hurst & Co., London, 2006, p. 128; Sarah Chayes, *The Punishment of Virtue: Inside Afghanistan after the Taliban*, Penguin Press, New York, 2006; Antonio Giustozzi, *Koran, Kalashnikov and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan*, Hurst & Co., London, 2007, p. 16.

41 Более подробно см.: Whit Mason (ed.), *The Rule of Law in Afghanistan: Missing in Inaction*, Cambridge University Press, Cambridge, 2010.

основных факторов, порождающих проблему, взяточничество: судей можно легко купить⁴². По мнению организации Integrity Watch Afghanistan:

«Один взрослый из семи, то есть приблизительно 1 677 тыс. человек сталкивались в 2009 г. со взяточничеством самым непосредственным образом. 28% афганских семей давали взятки для того, чтобы воспользоваться какой-либо коммунальной услугой... В 2009 г. средний размер взятки, которую приходилось платить, составлял 7 769 афгани (156 долларов США). Это огромная сумма в стране, где доход на человека в год равняется 502 долларам⁴³.

Доходы, получаемые от торговли опиумом⁴⁴, были не только источником финансирования деятельности противников правительства, но частично шли на взятки и подкуп, так же как и щедрые контракты, предоставляемые афганцам, которые рассматривались как лица, имеющие полезные связи. Верхи в Афганистане не имеют серьезного намерения искать решение этих проблем. Как ни печально, это стало очевидным, когда президент Карзай постарался защитить своего помощника, арестованного в июле 2010 г. за вымогательство взятки. Президент гневно обрушился на афганские и международные учреждения, которые попытались привлечь обвиняемого к ответственности; по словам руководителя администрации г-на Карзая, президент хотел, чтобы эти учреждения действовали «в рамках афганской системы»⁴⁵.

Покровительство и альянсы

Это указывает на третью проблему: политическому руководству Афганистана было не под силу принять на себя управление страной. Взгляды президента Карзая сформировались в 1980-е гг. в Пешаваре, в условиях отсутствия государственной власти, и его понятие о политике, по сути, предполагает не выработку политической линии и ее проведение в жизнь, но выстраивание отношений покровительства и родственных связей. В конце 2009 г. посол США в Афганистане, Карл У. Эйкенберри, отметил в своей телеграмме в Вашингтон:

42 Paul Watson, 'In Afghanistan, money tips the scales of justice', in *Los Angeles Times*, 18 December 2006; Keith B. Richburg, 'In Afghanistan, U.S. seeks to fix a tattered system of justice', in *Washington Post*, 28 February 2011.

43 Integrity Watch Afghanistan, *Afghan Perceptions and Experiences of Corruption: A National Survey 2010*, Integrity Watch Afghanistan, Kabul, July 2010, p. 10. См. Также: United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), *Corruption in Afghanistan: Bribery as Reported by the Victims*, UNODC, Vienna, January 2010; Manija Gardizi, Karen Hussmann, and Yama Torabi, *Corrupting the State or State-crafted Corruption? Exploring the Nexus between Corruption and Subnational Governance*, Afghanistan Research and Evaluation Unit, Kabul, June 2010.

44 Gretchen Peters, *Seeds of Terror: How Heroin is Bankrolling the Taliban and Al Qaeda*, Thomas Dunne Books, New York, 2009.

45 Rajiv Chandrasekaran, 'Karzai seeks to limit role of U.S. corruption investigators', in *Washington Post*, 9 September 2010.

«Президент Карзай не является настоящим стратегическим партнером... Карзай продолжает избегать ответственности за осуществление любых полномочий, связанных с суверенной властью, будь то в области обороны, управления или развития... Было бы слишком легковерно ожидать, что Карзай серьезно изменится на этой стадии развития наших отношений, будучи уже сформировавшимся человеком»⁴⁶.

Трагизм положения Карзая заключался в том, что со временем его сильные стороны играли все менее важную роль, а его слабые стороны становились все более ощутимой помехой. Проблема усугублялась тем, что его окружали корыстные и склонные к заговорам и интригам сторонники⁴⁷, и в конце концов это привело к катастрофе во время президентских выборов в августе 2009 г., когда серьезная подтасовка голосов с целью обеспечить еще один срок для Карзая подорвала его легитимность как в стране, так и в глазах западной общественности⁴⁸.

Ирак: фатальный выбор приоритетов

Проблема четвертая заключалась в том, что США, перенеся внимание на Ирак с конца 2002 г., в жизненно важный момент лишили Афганистан кислорода, и это способствовало возобновлению активной поддержки «Талибана» со стороны Пакистана. Основную ответственность за это несут бывший президент США Буш, вице-президент Чейни и министр обороны Рамсфельд, поскольку они опрометчиво предполагали, что в такой стране, как Афганистан, где десятилетиями царил хаос, стабильности можно добиться в течение нескольких месяцев. Последствия того, что внимание было перенесено на Ирак, оказались серьезными и долговременными. В 2007 г. адмирал Майкл Г. Муллен, председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США заявил, что «в Афганистане мы делаем то, что можем. В Ираке мы делаем то, что должны»⁴⁹. Трудно представить себе более ошибочное распределение приоритетов в Вашингтоне.

Все расширяющиеся действия мятежников

И наконец, что наиболее важно, Афганистан столкнулся с расширением непрекращающихся мятежных действий со стороны «Талибана». Огромное

46 Ambassador Karl W. Eikenberry, 'COIN strategy: civilian concerns', US Department of State Cable No. Kabul 03572, Kabul, November 2009.

47 Elizabeth Rubin, 'Karzai in his labyrinth', in *New York Times*, 9 August 2009.

48 О мошенничестве во время выборов 2009 г. см.: Martine van Biljert, *Polling Day Fraud in the Afghan Elections*, AAN Briefing Paper 03/2009, The Afghanistan Analysts Network, Kabul, 2009, доступно по адресу: <http://aan-afghanistan.com/uploads/20090903pollingfraud.pdf> (последнее посещение 15 марта 2011 г.); и Thomas Ruttig, *Afghanistans Wahlkrise: Die gefälschte Präsidentschaftswahl und Strategien für 'danach'*, Stiftung Wissenschaft und Politik, Berlin, 2009.

49 Robert Burns, 'Mullen: Afghanistan isn't top priority', in *Washington Post*, 11 December 2007.

число афганцев живут в страхе, понимая, что они не защищены от грабежа со стороны мятежников и что государственные органы не могут или не хотят им помочь. Причиной того, что многие афганцы перестали поддерживать правительство Карзая, послужили коррупция и плохое управление, а жертвы среди гражданского населения вызвали напряженность в отношениях с НАТО⁵⁰. Но повстанческие действия возобновились еще до того, как эти проблемы стали очевидными. Действительно, одним из первых сигналов возрождения «Талибана» стало убийство 27 марта 2003 г., уже через неделю после начала вторжения США в Ирак, сотрудника Красного Креста Рикардо Мунгия недалеко от Кандагара⁵¹. Действия мятежников явным образом отражали намерение Пакистана вмешаться в события переходного периода в Афганистане самым деструктивным образом⁵². В августе 2007 г. президент Пакистана Первез Мушарраф публично признал во время визита в Кабул: «Нет никакого сомнения в том, что афганские боевики получают поддержку с пакистанской земли. Проблема, с которой вы сталкиваетесь в вашем регионе, заключается в том, что поддержка оказывается с нашей стороны»⁵³. Больше нечего добавить: как суверенное государство Пакистан, несомненно, обязан не допустить использования своей территории таким образом. К сожалению, он не сделал этого, и свидетельства, которых становится все больше, говорят о его двуличности, поскольку афганские талибы продолжали получать активную поддержку военных кругов⁵⁴. Это, что совершенно понятно, приводит в ярость Соединенные Штаты и Афганистан: в сообщении от мая 2010 г. говорится, что «в соответствии с последними данными разведки, границу пересекли грузовики, полные боевиков «Талибана» и самого различного оружия Через КПП, контролируемые пакистанцами, их легко пропустили в Афганистан, для того чтобы они убивали американцев»⁵⁵. Значение этого двуличного поведения нельзя недооценивать, потому что, как сказал Барфильд, «если Пакистан когда-либо изменит свою политику оказания поддержки, как он сделал это в отношении Муллы Омара в 2001 г., мятежникам в Афганистане будет нанесен

50 См.: Human Rights Watch, *'Troops in Contact': Airstrikes and Civilian Deaths in Afghanistan*, Human Rights Watch, New York, 2008.

51 См.: William Maley, 'The "war against terrorism" in South Asia', in *Contemporary South Asia*, Vol. 12, June 2003, p. 214.

52 См.: William Maley, 'Pakistan—Afghanistan relations', in Michael Clarke and Ashutosh Misra (eds), *Pakistan's Stability Paradox*, Routledge, New York, 2011.

53 Taimoor Shah and Carlotta Gall, 'Afghan Rebels Find Aid in Pakistan, Musharraf Admits', in *The New York Times*, 13 August 2007.

54 См., например: Daniel Byman, *Deadly Connections: States that Sponsor Terrorism*, Cambridge University Press, Cambridge, 2005, p. 195; Ahmed Rashid, *Descent into Chaos: The United States and the Failure of Nation Building in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia*, Viking Press, New York, 2008, pp. 249—250; Seth G. Jones, *In the Graveyard of Empires: America's War in Afghanistan*, W.W. Norton, New York, 2009, pp. 256—273; Matt Waldman, *The Sun in the Sky: The Relationship between Pakistan's ISI and Afghan Insurgents*, Discussion Paper No. 18, Crisis States Research Unit, London School of Economics and Political Science, London, June 2010.

55 Bob Woodward, *Obama's War*, Simon & Schuster, New York, 2010, p. 367.

смертельный удар»⁵⁶. Афганистаном дурно управляли с 2001 г., но ему приходилось справляться с ползующим вторжением со стороны своего восточного соседа.

Выводы

Множество различных уроков может быть извлечено из опыта Афганистана за последние три десятилетия, но не многие из них являются обнадеживающими с точки зрения простых афганцев. Слишком часто их интересами пренебрегали в ходе политической борьбы внутри их страны. Писательница Дорис Лессинг как-то процитировала горькое замечание одного из своих афганских знакомых: «Мы кричим, обращаясь к вам за помощью, но ветер уносит наши слова»⁵⁷. Многие международные деятели были готовы использовать страдания афганцев, не сопереживая им сколько-нибудь серьезно; в конечном итоге это может лишь вызвать сильные сомнения относительно мотивов Запада, когда он посылает войска и поставляет ресурсы на афганский театр военных действий⁵⁸. Реально оценивая ситуацию, следует признать существование угроз для Афганистана, но рассматривать их надо в свете принципов, заложенных в положениях Устава ООН, в международном праве и нормах, принятых международным сообществом. Опасность заключается в том, что вместо этого судьба Афганистана будет определяться грубой формой «*realpolitik*», в которой основное внимание сосредоточено на краткосрочном решении проблем.

Поскольку западное общество все слабее поддерживает идею выполнения обязательств по отношению к Афганистану, представляется, что желание натовских столиц заключить какую-нибудь сделку с афганским руководством «Талибана» становится все сильнее. Однако опасность, связанную с любыми такими попытками следует оценить должным образом⁵⁹. Сам разговор о переговорах с «Талибаном» крайне тревожен для таких групп в Афганистане, как женщины и этнические и религиозные меньшинства, которые пострадали при талибах в прошлом⁶⁰, и может вызвать все возрастающий поток беженцев из страны. Сами талибы не проявили серьезного намерения вести переговоры, и, будучи сильно идеологизированным

56 Thomas Barfield, *Afghanistan: A Cultural and Political History*, Princeton University Press, Princeton, 2010, p. 328.

57 Doris Lessing, *The Wind Blows Away Our Words*, Pan, London, 1987.

58 В своей пропагандистской деятельности талибы стремились представить присутствие иностранных войск в Афганистане как основную проблему, см.: *Taliban Propaganda: Winning the War of Words?*, International Crisis Group, Kabul and Brussels, 2008. Однако очень мало свидетельств того, что большинство афганцев в настоящее время хотели бы вывода войск НАТО и ISAF из их страны.

59 Ashley J. Tellis, *Reconciling with the Taliban? Toward an Alternative Grand Strategy in Afghanistan*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington, DC, 2009.

60 См., например: Human Rights Watch, *The 'Ten Dollar' Talib and Women's Rights*, Human Rights Watch, New York, 2010.

движением⁶¹, они вряд ли откажутся от каких-либо из своих фундаментальных положений, хотя в силу тактических причин они могли бы постараться выглядеть менее экстремистски. Любая договоренность с «Талибаном» о разделении власти проживет, возможно, только до тех пор, пока они не соберутся с силами, чтобы захватить всю власть. Не следует недооценивать тот вред, который это может принести, в том числе и расширение рядов экстремистов, поскольку радикальные силы, конечно, будут трубить о том, что сверхдержава потерпела еще одно поражение от рук истинно верующих. И возвращение «Талибана» на центральную сцену в результате недалековидной «сделки» совсем не принесет мира в Афганистан, а напротив, может вновь превратить его в театр напряженного вооруженного соперничества между афганскими актерами, получающими поддержку от таких стран, как Пакистан, Иран, США и Россия, и послужить причиной волнений уже в более широком регионе Южной и Юго-Западной Азии.

Самая большая опасность для порядка в Афганистане исходит из укрытий и баз талибов в Пакистане. Нежелание западных правительств открыто говорить об этой проблеме сокрушило надежды афганских политиков и простых граждан⁶² и может привести к раздуванию теорий заговора (которые уже существуют) в отношении целей Запада в Афганистане. Проблема Пакистана очень не проста: Соединенные Штаты зависят от доступа к территории Пакистана для того, чтобы вести снабжение своих войск в Афганистане; в теории переговоров можно услышать предупреждение, что нельзя загонять партии в тупик, из которого они не могут выйти с достоинством; и позитивные стимулы часто приводят не только к угрозам⁶³. Однако в случае с Пакистаном позитивные стимулы имели довольно высокую цену, а реальных результатов не было⁶⁴. Если более широкий мир и дальше постарается не замечать того, что происходит, отрицательные последствия для Афганистана, Пакистана и для регионального и мирового порядка в более общем плане могут быть серьезными и, возможно, непредсказуемыми⁶⁵.

61 Идеологический аспект «Талибана» часто недооценивается. А его очень важно учитывать, поскольку это объясняет, почему отношение к «Талибану», как к «представителю» пуштунов Афганистана, является крайне упрощенным. См.: Thomas Ruttig, *How Tribal are the Taleban? Afghanistan's Largest Insurgent Movement Between its Tribal Roots and Islamist Ideology*, AAN Thematic Report 04/2010, The Afghanistan Analysts Network, Kabul, June 2010, доступно по адресу://aan-afghanistan.com/uploads/20100624TR-HowTribalAretheTaleban-FINAL.pdf (последнее посещение 15 марта 2011 г.).

62 См., например: Rangin Dadfar Spanta, 'Pakistan is the Afghan war's real aggressor', in *Washington Post*, 23 August 2010, p. A13.

63 См.: Miroslav Nincic, 'Getting what you want: positive inducements in international relations', in *International Security*, Vol. 35, Summer 2010, pp. 138–183.

64 См.: Craig Cohen and Derek Chollet, 'When \$10 billion is not enough: rethinking U.S. strategy toward Pakistan', in *Washington Quarterly*, Vol. 30, April 2007, pp. 7–19.

65 См.: Bruce Riedel, 'Armageddon in Islamabad', in *The National Interest*, No. 102, July–August 2009, pp. 9–18; Michael E. O'Hanlon and Hassina Sherjan, *Toughing It Out in Afghanistan*, Brookings Institution Press, Washington, DC, 2010, pp. 4–8; см. также: Seth G. Jones and C. Christine Fair, *Counterinsurgency in Pakistan*, RAND National Security Research Division, Santa Monica, 2010.

